БОРОДИНО и МОСКВА въ 1839 году.

Записка витебскаго, могилевскаго и смоленскаго генералъ-губернатора князя Голицына [1]).

Бородино, 26-го августа 1839 г.

Въ теченіе послѣдней четверти столѣтія на Бородинскихъ поляхъ царило безмолвіе. Ничто не нарушало послѣдняго покоя павшихъ жертвами своей любви къ отечеству или гнавшихся за тщетнымъ призракомъ славы. Самодержцу, умѣющему соединять воспоминанія о великомъ прошломъ съ славными происшествіями, дѣлами настоящаго, предопредѣлено было судьбою освятить, устройствомъ памятника, это поле сраженія, ставшее столь знаменитымъ въ лѣтописяхъ исторіи... На самой возвышенной мѣстности, въ центрѣ самой батареи Раевскаго, столько разъ переходившей изъ рукъ въ руки въ продолженіе этой невѣроятной рѣзни, поднимается колонна въ византійскомъ стилѣ, увѣнчанная крестомъ. На одной изъ сторонъ ея находится надпись: „2-го сентября Москва занята непріятелемъ. 19-го марта 1814 г. императоръ Александръ вошелъ въ Парижъ".

Великій и тяжкій урокъ для народовъ и завоевателей... У подножія памятника погребено тѣло Багратіона, командовавшаго тогда второю арміею. Оно было перенесено туда недавно, по приказанію императора. Умершій отъ послѣдствій раны, онъ долженъ покоиться на полѣ битвы, которое защищалъ такъ храбро... Его имя, рядомъ съ именами Кутузова, Барклая и Бенигсена, героевъ этого достопамятнаго дня, начертано на колоннѣ.

---

[1]) Записка князя Голицына была представлена императору Николаю. Она заключаетъ въ себѣ воспоминанія князя о 1839 годѣ по случаю открытія памятника Бородинской битвы и закладки храма Спасителя въ Москвѣ.

26-го августа, въ годовщину этой великой борьбы народовъ, когда Россія собственными средствами выдержала натискъ двунадесяти языкъ, набросившихся на нее, въ этотъ день знойное, но тускло свѣтящее солнце, солнце битвъ, поднялось надъ равниной, покрытой 120.000 человѣкъ, явившихся воздать своимъ предшественникамъ послѣднюю дань скорби и удивленія. Среди нихъ еще были замѣтны нѣкоторые обломки великой арміи, нѣкоторые ветераны былой славы.

Фельдмаршалъ Паскевичъ, покрытый еще свѣжими лаврами, пожатыми имъ въ подобный же день, но двадцать лѣтъ позже, подъ стѣнами Варшавы, здѣсь находилъ прежніе лавры, заслуженные имъ во главѣ 28-й дивизіи при защитѣ и взятіи этой знаменитой батареи Раевскаго. Ермоловъ—тогда начальникъ штаба арміи, уже заставлялъ предвидѣть свои побѣды при Кульмѣ. Воронцовъ вновь могъ увидѣть мѣсто, гдѣ ядро, когда его, израненнаго штыками во главѣ гренадеръ второй арміи, уносили на повозкѣ, оторвало колесо у нея—такъ сильно преслѣдовали его ядра. Принцъ Евгеній покинулъ свое мирное убѣжище въ Силезіи для этого поля, столь знакомаго ему и гдѣ, съ отличающей его храбростью, онъ взялъ обратно съ 4-ю дивизіей батареи лѣваго фланга. Графъ Толь, имя котораго неразрывно съ воспоминаніями 1812 года, и который, не смотря на свою молодость, исполнялъ тогда однако обязанности генералъ-квартирмейстера и самъ избралъ позицію при Бородинѣ, князь Димитрій Голицынъ, столь любимый губернаторъ Москвы, командовавшій тогда кирасирами, князь Горчаковъ, съ 4-ю дивизіею и корпусомъ Дохтурова твердо выдержавшій атаку лѣваго фланга, генералы Крейцъ, Шаховской, Орловъ-Денисовъ—всѣ эти славныя имена, связанныя съ тогдашними подвигами, соединились тутъ. Къ ед нихъ не было храбрѣйшаго изъ храбрыхъ—графа Остермана, такъ доблестно выдержавшаго съ 4-мъ корпусомъ неустрашимую атаку всей непріятельской кавалеріи на нашъ центръ и позднѣе, на равнинахъ Кульма, оставившаго свою руку, какъ памятникъ своей славы. Слѣдуетъ назвать еще нѣсколько знаменитыхъ лицъ, присутствовавшихъ при этомъ торжествѣ и хотя не принимавшихъ участія въ сраженіи, но чьи имена связаны со всѣми воспоминаніями этой славной войны: князя Волконскаго, позднѣе начальника главнаго штаба всѣхъ этихъ побѣдоносныхъ армій, князя Щербатова, генераловъ Рота, Ридигера, Палена, князя Чернышева, уже составлявшаго себѣ блестящую репутацію партизана, подвизаясь въ тылу французской арміи. Прискорбное происшествіе не позволило графу Бенкендорфу, вѣрному спутнику императора и тоже знаменитому партизану, при-

быть на это торжество, вдали отъ котораго былъ также задержанъ и князь Васильчиковъ, чье имя гремитъ еще и теперь на берегахъ Катубаха. Въ числѣ присутствующихъ, уже оставившихъ службу и привлеченныхъ воспоминаніями славы и любовью къ отечеству на это открытіе, можно было замѣтить одного отличавшагося скромностью, но котораго выдавало само его имя; это былъ храбрый Карпенко, на котораго обрушился первый натискъ непріятельской арміи. Императоръ, замѣтивши его, тотчасъ-же приказалъ ему опять одѣть эполеты, говоря, что онъ одно изъ лучшихъ украшеній для нихъ.

Ко дню великихъ воспоминаній этотъ великій монархъ приказалъ пригласить всѣхъ сражавшихся въ рядахъ. Сгруппированные вокругъ памятника, какъ одно изъ лучшихъ его украшеній, они, казалось, въ то же время были его подпорой.

Въ уединенномъ уголку этого поля, близь села Семеновскаго, среди батарей, существующихъ и понынѣ, одна вдова уже 27 лѣтъ оплакиваетъ потерю своего мужа, безстрашнаго Тучкова, убитаго во главѣ 3-ей дивизіи и тѣло котораго никогда не удалось найти. Время не коснулось ея печали! На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, предполагается, погибъ ея мужъ, она воздвигла убѣжище для слезъ и молитвы, и тамъ ежегодно, въ это время, скорбь и молитвы возносятся къ небу за покой всѣхъ тѣхъ, кто, подобно ея мужу, обрѣли на этомъ полѣ славу и вѣнецъ мученичества.

120,000 человѣкъ, собранныхъ здѣсь и состоявшихъ изъ 3-го и 6-го армейскихъ корпусовъ, драгунъ, корпуса частей гвардіи и гренадеръ и находившихся подъ командой славнаго фельдмаршала, князя Варшавскаго, были построены сомкнутыми колоннами вокругъ памятника, пѣхота съ двухъ сторонъ, а кавалерія и артиллерія съ третьей. Въ тотъ моментъ, когда процессія, во главѣ которой находился высокочтимый митрополитъ московскій Филаретъ, въ сопровожденіи императора и благочестивой игуменьи монастыря, вышла изъ бородинской церкви и при громѣ барабановъ, при звукахъ музыки и пѣніи церковныхъ пѣсней, поднималась къ памятнику, солнечный лучъ прорѣзалъ тучи и величественно озарилъ эту великолѣпную картину.

Чудное зрѣлище представляла прекрасная фигура императора, склонившагося на колѣни во главѣ своихъ храбрыхъ сыновъ, чтобъ благословить память безсмертнаго Александра, спасшаго Россію, и призвать милость Всемогущаго на народы и арміи, довѣренные его власти. Россія сожалѣла только, что рядомъ съ нимъ не могла видѣть высокую покровительницу всѣхъ несчастныхъ, мать всѣхъ

сиротъ, вѣрную спутницу своего августѣйшаго супруга въ дни славы и тяжелыхъ испытаній, которой здоровье не позволило предпринять этого путешествія.

Во время молебна, въ моментъ освященія памятника, грохотъ сто двадцати пушечныхъ выстрѣловъ слился съ криками ура 120-ти тысячной массы, казалось, подобнымъ образомъ обязавшейся, въ свою очередь, слѣдовать блестящему примѣру. Церковная церемонія окончилась. Императоръ во главѣ обширной свиты, состоявшей частью изъ славныхъ обломковъ великой эпохи, первый проѣхалъ передъ памятникомъ и склонилъ свой мечъ передъ этимъ великимъ воспоминаніемъ.

Вслѣдъ за императоромъ прошла вся армія, и каждый корпусъ, каждый полкъ, каждое знамя склонялось тоже передъ колонной... Въ два часа окончилась эта церемонія, глубоко взволновавъ сердца всѣхъ этими великими воспоминаніями и наполнившая ихъ чувствомъ благодарности къ монарху, заставившему ихъ вновь прожить прошедшею славой.

Утромъ былъ прочтенъ войскамъ приказъ императора, имъ самимъ написанный и такъ хорошо обрисовывающій его:

Приказъ войскамъ.

Лагерь при Бородинѣ, 26-го августа 1839 г.

„Ребята! Предъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить Русское войско, стоявшее за Вѣру, Царя и Отечество! Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ—и мы вошли въ Парижъ.

Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ императору Александру I,—его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ вашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему государю и общей матери нашей Россіи.

Николай".

29 августа. Три дня спустя, была воспроизведена Бородинская битва, именуемая сраженіемъ подъ Москвой. Войска были разставлены на тѣхъ же мѣстахъ; какъ тогда, стояла холодная погода. Сраженіе

начатое атакой селенія Бородино, съ полною точностью воспроизвело всѣ фазы этого памятнаго дня. Всѣ сохранившіяся его укрѣпленія брались и отбивались по нѣсколько разъ обратно. По всей линіи поддерживался сильный огонь, напоминавшій убійственный и страшный огонь этой битвы гигантовъ. Единственное отличіе этого сраженія состояло въ томъ, что императоръ, съ драгунскимъ корпусомъ повторявшій передвиженія кавалеріи Уварова на правомъ флангѣ, повелъ его настолько рѣшительно, что онъ зашелъ въ тылъ непріятельской арміи, движеніе, которое, будь оно тогда исполнено, быть можетъ, и привело бы къ этому результату. Но Богъ судилъ иначе! Москва должна была быть взята и сожжена, чтобы открыть намъ ворота Парижа.

Москва, 11 сентября. Послѣ открытія Бородинскаго памятника въ Москвѣ была произведена закладка большаго храма, посвященнаго Христу Спасителю въ знакъ благодарности за чудесное избавленіе Россіи. Эта прекрасная мысль явилась императору Александру, какъ бы избравшему императора Николая наслѣдникомъ всей своей славы, которому онъ довѣрилъ закончить великія начинанія. Нужно было видѣть какъ все населеніе Москвы, столь преданное вѣрѣ своихъ отцовъ и полное любви къ своимъ государямъ, покрыло всѣ крыши города, весь путь, по которому должна была слѣдовать процессія. Она вышла изъ святыхъ кремлевскихъ соборовъ при участіи благочестиваго московскаго митрополита и въ сопровожденіи императора и членовъ августѣйшей фамиліи. Ветераны гвардіи и гренадеръ, вернувшіеся изъ-подъ Бородина вмѣстѣ съ 6-мъ корпусомъ, стояли шпалерами по обѣ стороны. Прибывши на мѣсто закладки обширнаго (храма? [1]), послѣ обычныхъ молитвъ, императоръ твердою рукою, той самой рукой, которой онъ такъ умѣетъ держать бразды правленія, положилъ первый камень и закрѣпилъ его на вѣчность. Послѣ него положили камни его августѣйшій наслѣдникъ, юная надежда всей Россіи, родившійся въ этой самой Москвѣ, едва охладившейся средь пепла, великій князь Михаилъ, командовавшій въ этотъ день всѣми войсками, соединенными съ частями гвардіи, которыя онъ самъ столько разъ водилъ къ побѣдамъ. Затѣмъ пришла очередь молодаго герцога Лейхтенбергскаго, пріемнаго сына императора, довѣрившаго ему близкую его сердцу судьбу. Странная игра случайности. Этотъ принцъ, сынъ человѣка съ незапятнанной славой одного изъ баярдовъ, и въ несчастіи оставшихся безупречными, связалъ свою судьбу съ судьбою Россіи, и императоръ отличилъ

---

[1]) Это слово въ оригиналѣ не разобрано.

въ немъ качества, могущія составить счастье его любимой дочери, и, наслѣдникъ всѣхъ достоинствъ императора Александра, онъ унаслѣдовалъ также и его уваженіе къ принцу Евгенію, который, болѣе вѣрный несчастью, чѣмъ удачѣ, оставался всегда вѣренъ своей присягѣ. Молодой принцъ, кладя и свой камень въ основаніе этого искупительнаго храма, казалось, закрѣплялъ въ то-же время свою связь съ новымъ отечествомъ. По окончаніи церемоніи митрополитъ увѣренно приблизился къ императору и нѣсколькими словами съумѣлъ взволновать сердца всѣхъ. Онъ сказалъ ему, что, какъ Давидъ возъимѣлъ мысль о построеніи храма Іерусалимскаго. но только Соломонъ окончилъ его, такъ точно Господу было угодно, чтобы мысль объ этомъ великомъ сооруженіи посѣтила Александра, но чтобъ выполнилъ ее Николай. Онъ кончилъ, призывая благословеніе Всевышняго на августѣйшую голову и на всю августѣйшую фамилію. Всѣ присутствовавшіе, со слезами на глазахъ, повторили ту-же молитву, и она поднялась къ престолу Всевышняго, какъ выраженіе любви, связывающей русскій народъ съ его государемъ и составляющей могущество и славу ихъ обоихъ.

Этимъ кончилось освященіе воспоминаній великаго двѣнадцатаго года,—года, памятнаго избавленіемъ Россіи и явившагося зарей освобожденія Европы.

Сообщ. **Н. К. Шильдеръ.**